УДК: 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/58/17

Г.С. Солодова, И.И. Краснопольская

МЕХАНИЗМ ПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Идея о социальной природе этничности не нова. Однако не вполне проясненным остается вопрос о происхождении этнических категорий, механизмах их институционализации и объективации. Показана символическая природа этнических границ. Этническая граница понимается как символический маркер и символический способ организации социальных различий между группами. Рассмотрена проблематика границ как инструмента производства этнических групп.

Ключевые слова: этническая граница, идентификация, само- и внешняя категоризация, символическое конструирование.

Введение

Согласно позиции методологического индивидуализма человек сам «выбирает» этничность из некоего доступного ему набора вариантов. Однако остается непонятным: индивид действует как носитель этнических категорий, потому что он сам так определяет себя или потому что он так определяется другими? Откуда он знает о существовании этнических групп и этнической принадлежности? Иными словами, не совсем ясны механизмы формирования этнических категорий и производства границ между группами. Можно предположить, что выбор той или иной этнической идентификации прежде всего связан с определенными психологическими особенностями индивида [1. С. 130–172]; является социально и культурно обусловленным. Или, как в марксистском понимании, конструирование этнических границ необходимо как механизм, объясняющий и закрепляющий мировое капиталистическое разделение труда [2. С. 93–101]. В любом случае важно ответить на вопрос, что является причиной возникновения границ, каким образом этнические границы становятся значимыми в социальных взаимодействиях.

Сразу же отметим, что мы сознательно не фокусируемся на влиянии социальных институтов, исторических, политических или иных условий и факторов, формирующих этнические границы. Безусловно, их вклад значителен. Однако в данном случае ограничимся рассмотрением индивидуальной и групповой деятельности как процесса и механизма конструирования границ между группами.

Акторы производства этнических границ

Потребность в идентификации является социальной, она как бы встроена в индивида. Стремление индивида к четкому определению «я / мы» и «они» не вызывает споров [3. С. 120–121; 4. С. 7–31]. Понимание и усвоение социальных границ происходят на уровне «здорового смысла» [5. Р. 260].

Согласно одной из ключевых идей конструктивизма этническая идентичность не является окончательно и бесповоротно определенным свойством и атрибутом человека, она возникает как подвижное, социально обусловленное отношение [6. Р. 10]. С одной стороны, индивид – самостоятельный ак-

тор, конструирующий собственную идентичность и, следовательно, самостоятельно выстраивающий границы в процессе социальных взаимодействий. С другой – он «объективно» и одновременно принадлежит к какой-то группе, имеющей определенную внешнюю идентификацию.

Идентичность – некий результат и признак отдельного человека. Однако индивид, идентифицированный как представитель группы, теряет индивидуальную природу действий, начинает функционировать преимущественно в групповом качестве. В поле межэтнических взаимодействий он выступает как представитель группы, носитель устоявшегося набора характеристик. В то же время, действуя как уже социализированный в группе субъект и имея определенную этническую идентичность, человек играет роль актора, производителя этнических границ в повседневной деятельности. Процесс производства идентичности и границ носит двойственный характер. Иными словами, этничность и этнические границы формируются в результате социальных взаимодействий и представляют собой результат этих контактов и отношений.

Индивид включен в процессы определения собственной идентичности и одновременного поиска групповой принадлежности. Индивиды становятся членами группы исходя из внутренней самоидентификации. Если определенное число индивидов разделяют одну и ту же идентичность и она принципиально среди них не различается, то можно говорить о коллективной идентичности. Групповое самоопределение (что несет самоограничение) с необходимостью подразумевает номинирование других и другими. Подобное социальное категоризирование определяет существование этнической группы. Принадлежность к этнической группе понимается как результат социальной организации, самоотнесения и внешнего определения другими. Сама по себе группа не может обладать идентичностью, последняя приписывается извне. Образование группы, таким образом, является, с одной стороны, производной от самоидентификации индивидов, с другой – следствием внешнего определения.

Удовлетворяя свои потребности в идентификации и основываясь на ряде признаков, индивиды и группы классифицируют актора как принадлежащего к некой группе. Самоидентификация и внешняя категоризация могут не совпадать, но доминирующей в системе социальных взаимодействий будет групповая идентичность. Во внешних взаимодействиях индивид в первую очередь выступает как представитель группы. Превалирование групповой этнической идентичности является значимым для понимания не только процесса, но и последствий производства этнических границ. Р. Дженкинсоном было выделено два вида идентичностей: номинальная – результат внешней категоризации и идентификации группы, и реальная – имеющая практические последствия для индивида и группы [7. Р. 906].

Таким образом, базовая потребность в само- и внешней идентификации является источником конструирования границ, выполняющих роль разделения и этнической категоризации. Данный процесс правомерен как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Символическая природа этнических границ

Говоря о символической природе этнических границ, обратимся к исследователям, результаты которых признаны научным сообществом. Широкий и теперь уже классический подход к рассмотрению проблематики символиче-

ских систем и символических инструментов, их структурирующей власти представлен в работах П. Бурдьё [8]. Роль, влияние символических репрезентаций и культурных кодов на социальные отношения – предмет анализа Дж. Александера [9]. Среди недавних работ, посвященных концептуальному рассмотрению внутригрупповых и межгрупповых символических границ, культурным механизмам их производства, взаимосвязи социальных и символических границ, отметим публикации американской исследовательницы М. Ламонт [10, 11]. Тем не менее, вернемся к основоположникам идеи символичности этнических границ Ф. Барту и А. Коэну.

В рамках конструктивистского подхода Барта этничность следует рассматривать как форму социальной организации, создаваемой самокатегоризацией и категоризацией иными социальными акторами. Этнические границы структурируют пространство социальных взаимодействий и организуют в нем деятельность групп [12. С. 26–34; 13. С. 24–35]. Основное в концепции Барта – перенос акцента с объективности на относительность различий.

Коэн сосредоточился на функционалистском объяснении производства этнических категорий. С его позиции, этничность выполняет функцию границы. Человек склонен определять и классифицировать явления по принципу максимальной межгрупповой и минимальной внутригрупповой дисперсии и дистанции. Границы, по определению, заключают и огораживают элементы, которые в определенном контексте и с определенными целями понимаются как более схожие друг с другом, нежели различные [14. Р. 14]. Этнические границы являются одним из параметров, по которому происходит идентификация этнических групп. В этнических группах заключены индивиды, которые внешне воспринимаются как носители одной этничности, но не обязательно воспринимающие собственную этническую идентичность одинаково. Акцент сделан на сходстве. Как отмечает В.А. Тишков, этническую группу Коэн определяет как самостоятельный феномен, исключая при этом жесткую привязку к ее «наполнению» [15. С. 105].

Для минимизации влияния психологического фактора одновременно этничность понимается как социально институционализированный конструкт, имеющий определенное место в системе социальных отношений. Этничность относится к системе социальных границ, является их частью. Она позволяет маркировать социально значимые различия и задавать формы социальной организации групповых характеристик.

Этнические границы, являясь социальными категориями, обладают символической природой, служат маркерами этнических различий, вокруг которых организуются другие социальные характеристики. Но здесь возникает проблема, которая заключается в неустойчивости и неоднозначности определения этничности и, соответственно, этнических границ группы. Поскольку идентичность приобретается во взаимодействии, то фактически она отражает *восприятие* различий и их определение как *значимых* различий. В этом ключе Валлман полагает, что этничность является «ощущаемой границей», которая включает сами различия и социальный смысл этих различий. Она имеет место только в случае взаимодействия групп – этнические границы производятся и являются реакцией одной группы на другую [16. Р. 201–205]. Иначе говоря, классификация и категоризация групп происходят по выделяемым

критериям, которые воспринимаются как значимые – границы становятся действенными в случае их восприятия как значимых.

Безусловно, относительно большого числа повседневных понятий индивиды могут не выработать идентичного понимания. Однако индивиды, обладающие относительно схожим опытом, имеют схожее восприятие. Коэн отмечает, что принципиальным является не столько действительное одинаковое восприятие индивидами одного символа, сколько уверенность, что их восприятие символа аналогично восприятию других членов группы. Символические границы действительны только тогда, когда у членов группы присутствует уверенность в их существовании и значимости, когда они воспринимаются как значимые в данном социальном контексте [14. Р. 20–40].

В социальных интеракциях символические границы не всегда актуализированы. Основная задача границ как отдельного явления – противопоставление схожей совокупности внешней системе, очерчивание сообщества по отношению к другим. Маркирование логического отрицания [14. Р. 58]. Исходя из этого, первоначальные границы не столько идентифицируют группу внутри, сколько фиксируют ее по отношению к внешней среде. Именно на данном этапе конструируются этнические группы чужих, происходит процесс типизирования не-членов группы на основании набора «типичных и одинаковых для всех чужих» характеристик. В дальнейшем конструкт этнической категории дополнительно определяется и, в зависимости от контекста, наделяется оценочными эмоциональными характеристиками. Изначально этнические границы не несут дискриминационной смысловой нагрузки, только отрицание. Потенциально негативными характеристиками они могут наделяться в дальнейшем, что определяется и зависит от ситуационного контекста.

Границы способствуют построению индивидами собственной групповой идентичности. В контексте этничности это может быть и этническая идентичность, но, используя термин Барта, это индивидуальная социальная идентичность. Более референтное нашей работе следствие существования границ – одновременное с определением собственной группы определение и название внешних, чужих групп. Этнические границы становятся значимыми в том случае, когда различия *должны* быть выделены. И *некое конкретное* различие используется для выделения границ, когда *именно тот* определяется как этнически чужой [14. С. 209]. Данный процесс не является случайным, спорадическим. Значима детерминация культурного, политического, исторического и других контекстов.

Говоря о существовании разделяемого индивидами общего символа, о выделении «общих» для не-членов группы черт и основанных на них процессах типизации, необходимо учитывать неполноту источников информации отдельного индивида. Они лимитированы естественной ограниченностью индивидуального опыта и особенностями личного восприятия, которые, с одной стороны, обеспечивают избирательный характер усвоения потока информации, с другой – оптимизируют мышление и оценки использованием уже существующих когнитивных конструктов.

Очевидно, что этнические границы не всегда выстраиваются непосредственно на фенотипических характеристиках индивидов. Они могут не зависеть от «естественных» отличий индивидов, не быть с ними связанными. Важно понимание того, что приписывание этничности и производство границ

в любом случае будет относительно субъективным – вне контекста и сознания актора пограничные различия не будут играть существенной роли в разделении индивидов.

Наличие физических границ между группами не является необходимым условием их разделения. Нет прямой зависимости между существованием отдельных этнических групп и фактом наличия физической преграды или границы между ними, в то время как наличие символической границы представляется необходимым и достаточным условием разделения этнических групп. Физическая и символическая границы могут совпадать. Так, Андерсон полагал необходимость их соединения в случае, когда каждая нация единолично занимает отдельную территорию. В реальных ситуациях более распространен вариант функционирования одной символической границы. Делая акцент на независимости физических и символических границ и на доминировании последних, Барт отмечал два свойства этнических границ. Во-первых, они существуют независимо от наличия или отсутствия реальной территориальной мобильности и взаимодействий индивидов из разграниченных групп. Во-вторых, они порождают процессы эксклюзии, не связанные с непосредственным членством или индивидуальными жизненными историями [3. С. 10].

Содержательно это схоже с идеями Мэри Дуглас о точке неопределенности, разделяющей опасное от неопасного в социальном взаимодействии. Границы, этнические границы в частности, являются инструментом разделения на чистое и грязное как находящееся не на своем месте. Этнические границы в обществе служат разграничению тех, кто по каким-то воспринимаемым этническим различиям понимается как не вписывающийся в доминирующие модели общественного устройства. По этой причине они считаются «грязными» и подвергаются категоризации. С.Е. Мерри (S.E. Merry) по результатам своих исследований пришла к выводу, что в ситуации межкультурного городского соседства «чужие» ассоциируются с опасным [17. Р. 47–74]. Ситуация с разделением на чистое и грязное, своих и чужих сохраняется и в современных обществах. Границы выстраиваются с целью избежать «загрязнения».

Возвращаясь к определению символической природы этнических границ, отметим, что этническая граница не имеет четкой привязки к наполнению. Непосредственное наполнение символов границ в определенной степени может быть произвольным. Т. Парсонс отмечал, что маркеры символической этничности опциональны, у них пустое, произвольное, оценочно нейтральное содержание. Они наполняются как самой группой, так и внешней идентификацией. Наряду с этим границы «могут быть символизированы реальными вещами» [16. С. 205]. Козн говорит о таких маркерах, как фенотип, язык или культура. Этим феноменам придается символическая значимость. Иначе говоря, любые различия могут играть роль символических границ и служить основаниями эксклюзии или инклюзии как на уровне действий, так и в области смыслов. Однако это происходит только в определенном ситуативном контексте, когда участники взаимодействия *используют* эти различия, чтобы идентифицировать себя как группу – привить смысл «мы», усилить отстранение от «они». Посредством отрицания другого, противопоставления Я и Он, Мы и Они индивиду и группе проще выстроить и акцентировать собственную идентичность.

Исследование когнитивного процесса наполнения этнических границ на индивидуальном уровне проводилось на материале мигрантов в Новой Гвинее [18. С. 165–180]. Основной вывод автора состоит в незавершенности, процессуальности конструирования этнических групп. Левин показал, что содержательное наполнение и определение фактических границ групп этнических мигрантов происходит в полях повседневного опыта и повседневных практик. Сами мигранты, не обязательно имеющие общее этническое происхождение, действуют и объединяются в группы по принципу прошлой территориальной близости. С целью облегчения внешней коммуникации они обозначают себя названием местности, откуда прибыли. Территориальное обозначение становится групповым референтом. Это является уже признаком внешнего конструирования и наполнения этнических границ. В дальнейшем для интерпретации случайных феноменов повседневного взаимодействия привлекается понятие этнической группы. Этничность начинает играть роль объясняющего фактора. В плоскости повседневных взаимодействий практически любая активность мигрантов приобретает причинное обоснование в их «национальном характере», типичных чертах, воспринимаемых как априори присущие.

При подобном понимании возникает уверенность в том, что этнические границы, символизирующие реальные или воображаемые фенотипические черты, действительно предопределяют ценности, интеллектуальные способности, поведение индивидов. При этом применение этнических категорий происходит нерелефлексивно. Этничность расширяет свое влияние, она используется как структурирующий, направляющий и объясняющий социальные взаимодействия фактор.

Таким образом, этнические границы функционируют для выделения и идентификации этнической группы посредством разделяемого индивидами представления о не принадлежащих к их группе этнических индивидах. Поскольку идентичность рассматривается как результат взаимодействий, то принадлежность к этнической группе понимается как следствие социальной организации, самоотнесения и определения другими. Границы выстраиваются на основании общего разделяемого символа. Выбор критериев различий определяется контекстом, а не «объективными» различиями. Соответственно, этнические границы носят «выборочный», относительный характер. Вместе с тем созданные в процессе интеракций и обладающие символической природой этнические границы реально функционируют и действительно организуют социальные практики между разграниченными группами.

Заключение

В статье рассмотрена проблематика этнических границ как инструмента символического производства этнических групп. Производство границ служит удовлетворению базовой потребности индивидов в само- и внешней идентификации. Конструирование границ имеет двойственное значение и наполнение: как социально-структурного и как субъективного феномена. Поскольку идентичность есть результат социальных отношений, то этнические границы являются определенными знаками, маркерами, организующими вокруг себя систему социальных взаимодействий, играют организующую роль.

Показана символическая природа этнических границ и социально конструируемой этничности. Полагается, что этническая граница становится действенной и результативной, только когда различия, на которых она основана, воспринимаются как значимые и используются акторами для объяснения социальных взаимодействий.

В общем виде механизм конструирования и деятельности этнических границ можно представить следующим образом. Первое – любую совокупность индивидов можно разделить по принципу наличия характеристик, которые содержательно и значимо отличны от характеристик другой совокупности. Граница выстраивается по критерию содержательности и значимости. Второе – эти различия объективны, поскольку могут быть перечислены. Одновременно они субъективны в силу того, что вне восприятия акторами и вне данного контекста не будут играть значимой разграничивающей роли. Третье – границы являются действенными в той степени, в какой они значимо накладываются на само восприятие акторов и на восприятие других. Таким образом, производство этнических границ является балансом между восприятием и структурной социальной деятельностью. Результаты этнического разграничения – этнические категории – обладают значимыми последствиями как на индивидуальном уровне, так и на уровне организации социальных взаимодействий.

Литература

1. Нельсон Т. Психология предубеждений: Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
2. Валлерстайн И. Конструкция народа: Расизм, национализм, этническая принадлежность // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М. : Логос-Альтера, 2003. 288 с.
3. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 385 с.
4. Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.
5. Roger L. Exploring human geography: A reader. London : Arnold, 1996. 514 p.
6. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference / ed. by F. Barth. Bergen; Oslo; London, 1969. 153 p.
7. Bonilla-Silva E. The essential social fact of race // American sociological review. 1999. Vol. 64, № 6. P. 899–906.
8. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
9. Alexander J.C., Giesen B., Mast J. Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 375 p.
10. Lamont M., Molnár V. The study of boundaries in the social sciences // Annual Reviews of Sociology. 2002. Vol. 28. P. 167–195.
11. Lamont M., Pendergrass S., Pachucki M., Symbolic Boundaries // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd edition). 2015. Vol. 23. P. 850–855.
12. Краснополяская И.И., Солодова Г.С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 26–34.
13. Краснополяская И.И., Солодова Г.С. Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 24–35.
14. Cohen A.P. The symbolic construction of community. London : Routledge, 1985. 128 p.
15. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. С. 544.
16. Wallman S. The boundaries of “race”: processes of ethnicity in England // Man. 1978. Vol. 13, № 2. P. 200–217.

17. Harrison F.V. The persistent power of "race" in the cultural and political economy of racism // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 47–74.
18. Levine H.B. Reconstructing ethnicity // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1999. Vol. 5, № 2. P. 165–180.

Galina S. Solodova, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: gsolodova@gmail.com

Irina I. Krasnopolskaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 189–197.

DOI: 10.17223/1998863X/58/17

THE MECHANISM OF PRODUCTION OF ETHNIC BORDERS

Keywords: ethnic border; identification; self- and external categorization; symbolic construction.

The article elaborates on the symbolic nature of ethnic borders. An ethnic border is a symbolic marker and a symbolic way of organizing social differences between groups. The article examines borders as a tool for the production of ethnic groups. The initial assumption is that, as soon as identity is an attitude but not a property, belonging to an ethnic group is a result of social organization, self-attribution, and determination by others. The production of borders serves to satisfy the basic needs of individuals for identification, both self- and external. Borders are built based on a commonly shared symbol. The choice of criteria for differentiation is determined by the context, and not by any "objective" differences. Ethnic borders are of "selective" and relative nature. An ethnic border becomes real and productive only when the differences on which it is based are perceived as significant and used by actors to explain social interactions. Ethnic borders are related to interactions and have a symbolic nature. Therefore, borders function and organize social practices between delimited groups. The overall mechanism of the construction of ethnic borders is as follows. First, any set of individuals can be divided according to characteristics that are meaningful and significantly different from another set of individuals. The border is built according to the criterion of content and significance. Second, these differences are objective, as they can be listed. At the same time, they are subjective as they will not play a significant differentiating role outside the given context and the perception by the actors. Third, borders are effective to the extent they impose on the perception of actors and the perception of others. Thus, the production of ethnic borders is a balance between perception and structural social activity. The consequences of ethnic distinction—ethnic categories—have significant consequences both at the individual level and at the organizational or social level.

References

1. Nelson, T. (2003) *Psikhologiya predubezhdeniy: Sekrety shablonov myshleniya, vospriyatiya i povedeniya* [The Psychology of Prejudice]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.
2. Wallerstein, I. (2003) Konstruktsiya naroda: Rasizm, natsionalizm, etnicheskaya prinadlezhnost' [The construction of the people. Racism, Nationalism, Ethnicity]. In: Balibar, E. & Wallerstein, I. *Rasa, natsiya, klass: Dvumyslennye identichnosti* [Race, Nation, Class: Ambiguous Identities]. Translated from English. Moscow: Logos-Altera.
3. Drobizheva, L.M. (ed.) (1998) *Sotsial'naya i kul'turnaya distantsii: Opyt mnogonatsional'noy Rossii* [Social and cultural distance: the experience of multinational Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
4. Drobizheva, L.M. (2017) National identity as a means of reducing ethnic negativism. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 7–31. (In Russian).
5. Roger, L. (1996) *Exploring Human Geography: A Reader*. London: Arnold.
6. Barth, F. (1969) Introduction. In: Barth, F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen; Oslo; London: Waveland Press.
7. Bonilla-Silva, E. (1999) The essential social fact of race. *American Sociological Review*. 64(6). pp. 899–906. DOI: 10.2307/2657410
8. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya.

-
9. Alexander, J.C., Giesen, B. & Mast, J. (2006) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.
 10. Lamont, M. & Molnar, V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual Reviews of Sociology*. 28. pp. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107
 11. Lamont, M., Pendergrass, S. & Pachucki, M. (2015) Symbolic Boundaries. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 23. pp. 850–855.
 12. Krasnopolskaya, I.I. & Solodova, G.S. (2013) Sotsial'noe konstruirovaniye etnichnosti [Social construction of ethnicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 26–34.
 13. Krasnopolskaya, I.I. & Solodova, G.S. (2012) Vospriyatiye chuzhaka gruppoy v sotsiologii G. Zimmelya [Group perception of a stranger in G. Simmel sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 24–35.
 14. Cohen, A.P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
 15. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
 16. Wallman, S. (1978) The boundaries of “race”: processes of ethnicity in England. *Man*. 13(2). pp. 200–217.
 17. Harrison, F.V. (1995) The persistent power of “race” in the cultural and political economy of racism. *Annual Review of Anthropology*. 24. pp. 47–74. DOI: 10.1146/annurev.an.24.100195.000403
 18. Levine, H.B. (1999) Reconstructing ethnicity. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 5(2). pp. 165–180.